

Если эта реконструкция верна, то в грамоте выявляется фигура посадника Якова ...вича. Документ относится к 1420-м – середине 1440-х гг. Соответственно, по данным книги Янин 1962, единственный подходящий по времени посадник — Яков Федорович, избранный на посадничество (от Славенского конца) в 1416 г.

№ 302 [Г]. В слове *мена* в 3-й строке *e* исправлено из *а*; очевидно, сначала писец собирался употребить энклитическую форму местоимения (*ма*), но заменил ее на полноударную.

№ 308 (10-е – 20-е гг. XV в.; Д 18) [З]. Чтение *па[робе]н[ь]*, предложенное в Попр.-Х, новой фотографией четко подтверждается. Более того, его следует усилить до *па[р]о[бе]нъ*.

№ 311 (кон. XIV в. – 1400-е гг.; Д 18) [З]. В последней строке над *бъ* в *волено бъ де і ты* есть титло (правильной формы $\overline{\text{—}}$); оно находится под буквами *жг* предыдущей строки (и даже пересекло ножку буквы *г*).

В прориси недостает некоторых разделительных точек. После *не хъtimo* стоит вертикальная разграничительная черта (передаем ее пунктиром).

[Г̄НУ С]ВОЖМ·У · МИХА·ЙЛУ · ЮРЕК·ВИ·
 [Ч]У [ХРЕСТ]А·НИ · ТВОІ [·] ЧЕРЕНШАНИ
 ЧЕЛО · БИЮ·ТЕ ШТО КСИ ѠДОДА · ДЕРЕВЕ·
 НЕКУ · КЛИМЦУ ѠПАРИНУ А МЫ КГО НЕ ХЪТ·
 ИМО : НЕ СУСЪДНЕИ [·] ЧЕЛОВЪКО · ВОЛЕНО БЪ ДЕ І ТЫ

№ 313 (кон. XIV – нач. 20-х гг. XV в.; Д 18) [З]. В прориси недостает части разделительных знаков. Удастся восстановить некоторые элементы третьей строки.

Г̄НУ МИХА·ЛУ ЮРЕКВИЧЮ · ЧЕЛОМЬ БЬЮТЬ · Х̄ТЪНИ
 [ТВОИ] · СМЕРДЫНСКИ : ЗДЪСЕ · Г̄НЕ У НАСЪ · ГЛЪБЪ · НЕ ПО·
 ... [СТ] (М) [У] -----Ъ НЪУИМЪ И ...

№ 319 (1300-е – нач. 1310-х гг.; Г 39) [З]. В прориси и в публикации нет разделительных знаков. Должно быть:

КВА·НОВЕ : ПО·ПО·ВЕ

№ 321 (10-е – 60-е гг. XIV в.; Г 39) [З]. После *лбиске* читается *и та[иша]* (буква *t* написана поверх *с*). Отрезок *азыко* (форма неясна) в конце второй строки — от слова *языкъ*, которое здесь почти наверное означает пленника, способного дать информацию.

№ 321 [Г]. Предложенная в Попр.-Х трактовка имени *Лбиске* нашла подтверждение в новооткрытом граффито в лестничной башне новгородского Софийского собора, где то же имя фигурирует в раннедревнерусской форме *съ Лъбистъком*- (Гиппиус, Михеев 2013б: 163).

№ 325 (1300-е – 1360-е гг.; Г 39) [Г]. Ни одна из двух предложенных до сих пор трактовок грамоты не объясняет постановки разделительных точек, первая из которых в обоих случаях оказывается внутри словоформы:

ОРТИМИ·ЕНЕ·НЪДОБОРОИ

Хотя в принципе такая постановка точек в грамотах — не редкость, предпочтение следовало бы отдать интерпретации, при которой точки разделяли бы слова. Именно так выглядит дело, если допустить, что ограниченный двумя точками отрезок *ене* — это диалектная форма 3 л. ед. числа глагола *имати*, соответствующая стандартному *емлеть*, с нулевым окончанием и рефлексом **мл'* > *н'* (Изуч. яз.: 202–203), представленным в берестяных грамотах словоформами *енюци* (№ 227), *ени* (№ 501). Перед нами в таком случае краткое сообще-

ние, лишенное адресной формулы: *Ортимми ене недоборной* ‘Ортемиий берет недоборный (вероятно, хлеб)’. Слово ‘хлеб’ вполне могло находиться во второй строке грамоты, от которой на третьей позиции видны верхушки двух вертикальных штрихов, подходящие для *и* в *хлибѣ*. О том, что *ѣ* в диалекте писца перешел в *и*, говорит написание имени *Ортимми*, отражающее его вариант с корневым *ѣ* (Лингв.: 202). Заметим, что исход этой словоформы также может объясняться заменой *ѣ* на *и* в *-ѣи* как одним из вариантов рефлексии **-ьjь* (см. о нем ДНД₂: 67); отсутствие же конечного *и* естественно перед последующим *ене*.

№ 3326 (кон. XII – 30-е гг. XIII в.; Б 109) [Г]. Сильно фрагментированный текст на обороте грамоты частично реконструирован А. А. Зализняком (Попр.-IX) на основе сопоставления с грамотой № 246 и, с небольшими поправками к интерпретации, в следующем виде опубликован в ДНД₂:

...[т]ом[ъ] ----- [п]рис[ъ]...

... (гри)вѣнъ в[ъ] тр(еть али) нь прис[ъ](лещи) а хоуж в[ъ]рж[т]и жо--
... ..[ъ]ч[ъ] въ држгжю тр(е)[тъ]

Согласно этой реконструкции, письмо содержало угрозу должнику, в случае невозвращения им денег, занятых «в треть» (т. е. из расчета отдачи одной трети в качестве процентов), прибегнуть к конфискации имущества у третьего лица, взыскав при этом дополнительно к сумме основного долга уже не одну, а две трети. Как предполагает А. А. Зализняк, на *Уро-* в конце второй строки начиналось имя лица, которого автор намеревался подвергнуть конфискации; это мог быть тот же персонаж, что и *Урока* из № 153.

В своей основе эта реконструкция представляется абсолютно убедительной, но может быть усовершенствована в ее заключительной части. Изучение нового снимка грамоты показало, что нижний край берестяного листа сохранился на всю длину; следовательно, разрыв между концом второй и началом третьей строки отсутствует. В конце второй строки после *жо* уверенно опознаются буквы *ст* (от *с* видна характерная нижняя засечка в виде точки; от *т* — мачта и левая засечка). Таким образом, вторая часть последней фразы письма прочитывается полностью: *(али) нь прис[ъ](лещи) а хоуж в[ъ]рж[т]и жо[ст|тъ]ч[ъ] въ држгжю тр(е)[тъ]*. Удвоение согласной при переносе — явление, достаточно широко представленное в берестяных грамотах (ср. *дат|ть* 798, *грам|мота* 364, *кун|ници* 136, *во Плотниц|цикомо конци* 690, *сър|ръцьвъ* 683).

Сохранив схему реконструкции А. А. Зализняка, последовательность *жростъчъ* можно было бы рассматривать как содержащую прозвище *Уростъчъ*, с невыраженной одушевленностью. Семантическая ущербность такого решения, однако, очевидна. Более правдоподобно выглядящий антропоним дает альтернативное словосложение: *вырути у Ростъчъ* — если считать, что *Ростъчъ* — это *⟨Ростъчѣ⟩*, Р. ед. от *Ростъца* (написание *нь присъ-* показывает, что орфография грамоты была бытовой). Хотя суффикс *-ьца* и редок в новгородском антропонимиконе (в берестяных грамотах он представлен только именем *Микитъца* в № 161), он прослеживается по топонимическим данным, так что сомневаться в его существовании не приходится (см. комментарий к № 161 в Попр.-VIII). Форма *Ростъца* составляет очевидную пару к имени *Ростъка*, известному в первую очередь по названию Росткиной улицы в Неревском конце Новгорода и находившегося на ней Иоанновского Росткина монастыря. И улица и монастырь были названы по имени человека, жившего явно не позднее XII в. Теоретически этот Ростка вполне мог быть тем лицом, у которого автор рассматриваемого письма угрожал конфисковать товар за долг адресата.

Заметим, что управление *вырути у X-а* выходит за рамки синтаксического поведения глагола *вырути*, каким оно описано А. А. Зализняком (Лингв.: 173–174). Впрочем, как видно из совокупности данных, это поведение было более разнообразным, допуская различные модификации основной модели *рути* ВП₁ (*пострадавшее лицо*) в ВП₂ (*виновное лицо*) в МП (*долг виновного лица*). В роли прямого дополнения при данном глаголе могло выступать наименование самого виновного лица (*ржти тл хоуж* № 776) или же конфискуемого предмета; в последнем случае лицо, подвергаемое конфискации, обозначается косвенным дополнением: *а что князь Михаила товаръ порубил братьи нашеи* (Новг. догов. 1372); *otzum ty tovar otmenae porubaiies* (Фенне). Наибольшую близость к нашему тексту (если принять предлагаемую трактовку) обнаруживает грамота № 959, в которой с высокой вероятностью реконструируется фраза: *то ти (еси пор)оуб[л](ъ) оу мене кобылоу*.